
Александр ГАБРИЭЛЬ

«АБЫРВАЛГ»

Жизнь, по сути, как жизнь. Но сварганена слишком пресно.
Описать на бумаге — и скучно, мой друг, и просто.
Не хватает безумного вуду из Порт-о-Пренса
и размашистых ярких рифмовок из «Окон РОСТА».

Позабыв о проросшем в миндалины чувстве меры,
по земле-кабаре, словно Лайза б лететь Минелли.
И, придумав новейшую письменность, как шумеры,
окончательно выйти из гоголевской «Шинели».

Выплывать изо всех берегов, изменяя русло,
чтоб спадала с души привычивость, как короста.
Чтоб романы, которые пишешь, затмили Пруста.
Чтоб поэмы, которые пишешь, затмили Фроста.

Но покуда — взамен Грета Тунберг и рэпер Хаски,
и потрепанный бриг еле входит в проливчик узкий...
До чего же ты, Оле-Лукойе, горазд на сказки!
Все бы слушал тебя да пил, обходясь без закуски.

Остается мечтать. И, по слухам — весьма недолго:
не сулит ничего хорошего бабка Ванга...
И доносит легко свои темные воды Волга
до тебя, рядового сотрудника «Абырвалга».

АСАДОВ-БЛЮЗ

Где? Когда? Для контекста незначимо, право.
В старом доме среди мрачноликих портьер
жил старик удивительно склочного нрава
и собака породы шотландский терьер.

Александр Михайлович Габриэль — трижды лауреат конкурсов им. Николая Гумилева (2007, 2009, 2018), обладатель премии «Золотое перо Руси» 2008 года, автор многочисленных газетных и журнальных публикаций в США, России и других странах. Автор пяти книг. С 1997 года проживает в пригороде Бостона (США).

Старикана оставили други и дети:
он же сам разогнал их и создал барьер.
Выносила капризы нелепые эти
лишь собака породы шотландский терьер.
И когда старика забирала по «скорой» —
потому что пора, потому что судьба,
он, предчувствуя встречу с небесной конторой,
санитарам шептал: «Не бросайте соба...»
Санитар, добротой природной ведомый,
и достойный носитель хороших манер
из остывшего и опустевшего дома
взял собаку породы шотландский терьер.
Две недели ей ласковой было и чище,
с новым домом соседствовал солнечный сквер...
Но ушел в небеса, не притронувшись к пище,
не меняющий взглядов шотландский терьер.
А мораль, хоть банальна, как старые гири,
но достойна, чтоб ею закончить рассказ:
понимаешь, мой друг, в этом сумрачном мире
кто-то любит и нас. Кто-то любит и нас.

ВАРЕВО

Воспалены житейские занозы, постыл пейзаж хайвзев и обочин.
Как хороши, как свежи были розы! Теперь у них срок годности просрочен.
Да что там — и рассвет не так уж розов, и солнца луч свисает сталактитом...
Где стол был яств — теперь гора отбросов, не слишком совместимых с аппетитом.

Состав ушел, а мы у турникета: привычно опоздали по старинке.
Размен ферзей. Как пусто на доске-то! Как скучно: ни дождинки, ни ветринки.
Естественно, в начале было клёво. А нынче — радость не глядит в глаза нам.
Как говорит Наташа Королева: «Я человек, измученный Тарзаном».

Песок, вода — сквозь пальцы — год за годом, укрыв от взоров облик дольче виты...
Славянский шкаф не тем шпионам продан. Пароль и отзыв напрочь позабыты.
И каждый день подобен вбитым сваям. Неспешна кровь, страстей остыла лава...
Шанхайский барс, увы, недобываем. Взамен — тушкан пустыни Чиуауа.

И как поэт говаривал курчавый, всегда умевший и любить, и драться:
«Прекрасное должно быть величаво». Вот с этим-то чуток не вышло, братцы.
Фундамент — пластилиновый и зыбкий, как в прошлые века — границы Польши.
Мы мельче, чем в аквариуме рыбки, вот только наш аквариум побольше.

Не Одины, не Ра и не Свароги, невидные потомки Одиссея,
мы тени. Не в раю, а просто в блоге, в нейронах виртуального сэнсэя
разбросаны по собственным планетам, озарены сполохами заката...
Но жить, но жить-то хочется при этом ни на микрон не меньше, чем когда-то.

БЕЗ ДВУХ ДВЕНАДЦАТЬ

Если вас тяготило бремя реинкарнаций —
паникуйте, тревожно вперясь в зрачок колодца.
На часах планеты, по слухам, без двух двенадцать.
Это значит, что в скором будущем нить порвется.

Как-то глупо думать про деньги да о престиже.
От протухшей воды амбиций мутнеет разум...
Символический зверь песец — он все ближе, ближе...
Что с того, что и он накроется медным тазом?

Одинаков финал героя или паяца,
ибо всё в божественном плане — продукт рутины.
На часах планеты, по слухам, без двух двенадцать,
и секунды летят, как головы с гильотины.

Через шторм плывет человечества ялик утлый,
сквозь холодную тьму и молний тугие плети,
растянуть стараясь последние две минуты
на расшатанные пружины тысячелетий.

ПОТОП

И когда отчалил в туманный сумрак ковчежец Ноя —
тот, в котором группа попарных тварей ловила шансы,
ты остался один, и до счастья как от Ханоя —
в драных кроссах, со сбитым посохом — до Киншасы.

И когда не в духе Творец в небесном сыром Генштабе
и трясет кулаками в хитоне своем обвислом,
то для нас, оставшихся, фраза «разверзлись хляби»
обрастает неромантичным, буквальным смыслом.

Ну давай протестуй, стань одним из отдельно взятых,
беспощадно и глупо клянущих свою природу.
Ты ведь сам из воды на девять, считай, десятых.
А чуток подождешь — и совсем превратишься в воду.

Ну давай протестуй, человек, звучащий гордо,
вспоминай наобум то друзей, то любимых лица...
А вода, убивая звук, подступает к горлу —
и бороться нельзя. Можно только не шевелиться.

Дождевых водопадных струй непристойный танец
прогрызает насквозь уставшую твердь асфальта...

А ведь где-то, наверно, старый венецианец
«Acqua alta, — твердит, — обычная acqua alta».

ИСПОВЕДЬ АГНОСТИКА

Когда трещат надежды, словно швы,
когда потоп — ни брода в нем, ни мостика —
мне в лучшее не верится, увы:
планида реалиста и агностика.
Когда в ночи запуталась стезя —
до этого подруга-беспечальница, —
поверить в то, чего понять нельзя,
как ни пытаюсь я, не получается.
Куда бреду? В ничто из ничего,
смирившись с незаполненной нишей,
но высшее поможет Существо
навряд ли мне, безбожному и низшему.
Нездешним светом полнятся сердца
других. А я, когда стою над бездною,
то вижу очень часто лик Отца.
Но — своего.
Ушедшего.
Небесного.